

Гиганты Азии: кризис на площади Тяньаньмэнь

Чэнь Юнь предвосхищает фискальную и монетарную централизацию

В книге «Антиинфляционная мысль и практика Чэнь Юня», изданной на китайском языке в 2015 году, бывший заведующий бюджетом в Министерстве финансов КНР Гао Цян пишет: анализируя дела Чэнь Юня, несложно заметить постоянную политическую интерпретацию инфляции. Чэнь Юнь обращается к аналогии с *«гоминьдановской гиперинфляцией»* в трёх ключевых моментах.

В 1950 году перед властями стояла задача сделать из юаня надёжную валюту. Китай имел долгую историю обращения металлических денег, но с бумажными у него сложились неоднозначные отношения, *«стабильность цен очень важна для поддержания единства страны»*. Чэнь Юнь внимательно изучал *«сигналы, исходящие от цен на местах»*, поскольку *«хорошо знал национальную буржуазию и понимал: когда цены стабильны, она будет кричать: “Долгой жизни председателю Мао!”, – но, когда цены начинают колебаться, она будет разжигать мятеж и воспользуется им для спекуляции»*.

Обращение к *«двенадцати годам гиперинфляции»* снова происходит в феврале 1962 года, после Конференции семи тысяч кадров, когда Китай был потрясён «великим голодом» и капиталисты Нанкина объявили Чэнь Юню: *«Юань больше не начальник»*. «Большой скачок» закрутится в военно-политический кризис «культурной революции», но, как это часто бывает в случае китайских текстов, Гао Цян лишь поверхностно пробегает по монетарным сражениям того периода. Он возвращается уже к позиции, которую Чэнь Юнь занимает в 80-е годы, когда *«реформы и открытость»* раздували провинции и *«психологические ожидания»* классов и фракций классов.

“Решётка” поколений

В 1979-м и 1980 году Чэнь Юнь, хотя и участвовал в реформировании экономических ведомств правительства, но не хотел брать на себя слишком обременительные обязательства прямого управления экономикой, *«оставляя эту честь новым поколениям»*. Сам он требовал времени, чтобы *«поразмислить о стратегических вопросах»* (Е Юнле. Чэнь Юнь повлиял на Китай, 2013). Как раз Чэнь Юнь в 80-е годы предложил *«пересекать реку, опираясь на камни»*, обращаясь к новому политическому поколению Ху Яобана и Чжао Цзыяна. *«Мы – страна с миллиардом жителей и 800 миллионами крестьян. Развиваемся в этих условиях. Мы должны признать это и видеть трудности. Немногие это понимают»*.

Это годы, когда ритм реформам навязывали прибрежные провинции: *«Некоторые отправляются за границу для расследований и возвращаются морским бризом. [...] Они хотят ускоряться. [...] Они видят только ситуацию в других странах, не видят реальности нашей страны»*. «Теория решётки» Чэнь Юня также имела значимость для сдерживания забегающих вперёд политических течений, исходящих из провинций, наиболее привлечённых мировым рынком. Компромисс с Дэн Сяопином и затем решение выйти из консультативной комиссии старейшин, заседавшей параллельно с Постоянным комитетом Политбюро ЦК КПК в решающие моменты 1989 года, – тоже знак поддержки смены поколений.

Чжао Цзыян и “валюта” Гуандуна

По словам Гао Цяна, Чэнь Юнь считал, что поколение Чжао Цзыяна слишком спешило под влиянием некоторых провинций. В 1980 году начало проявляться давление юга, которое добралось и до монетарной власти. Чжао Цзыян сообщил местным кадрам в Гуанчжоу, что *«отделение [Народного] банка Китая в Гуандуне будет работать параллельно с Банком провинции Гуандун и станет провинциальным банком»*. Вице-премьер по экономике Яо Илин, получивший образование в Хэбэе во время войны и затем в органах центральной власти, язвительно комментировал эту ситуацию: *«Ну, пусть тогда Гуандун будет независимым государством!»* (Shih V., “Factions and finance in China”, 2008). Чэнь Юнь же выступил в Политбюро: *«Сколько времени мы потеряли со времён Опiumной войны? Неужели так сложно подождать ещё три года!»*.

Как пишет Гао, Чэнь выступал против «предложения эмитировать местную валюту», защищая «монополию юаня». «*Действительное реформирование монетарной политики основывается на концентрации права на эмиссию денег*», – таков урок гиперинфляции в период правления Гоминьдана. Чжао Цзыяна обвинили в недооценке регионального нарушения равновесия, которое в 1980 году усиливало инфляцию, и Дэн Сяопин согласился с Чэнь Юнем. Однако отношение Чжао к локальным кадрам изменилось только частично: «*Если весь Китай последует примеру Гуандуна, возникнут крупные проблемы. [...] Послушайте, когда я приезжаю, чтобы выслушать вас, то чувствую себя очень хорошо, что должен вам что-то дать, но, когда возвращаюсь в Пекин, всё сразу меняется*».

“Особые экономические зоны” задумывались об эмиссии собственной валюты, и Чэнь Юнь должен был вмешаться, чтобы их остановить, когда они уже запустили печатный станок. Шэньчжэнь, ко всему прочему, хотел сохранить оксюморон – «местный центральный банк». Чэнь разоблачает «бесконтрольную эмиссию банкнот». Наконец, в 1987 году Чжао Цзыян разрешает НБК в Гуандуне зафиксировать процентные ставки в рамках «диапазона колебаний» относительно величины национальных ставок. Инфляция и паника 1988 года приводят к неизбежному прояснению.

Настоящий центральный банк

Чэнь Юнь ставит вопрос перед ЦК в октябре 1988 года. Он утверждает: «*Центральная политическая власть должна основываться на центральной экономической власти. Если центральное правительство не имеет экономической власти, его политическая власть будет хрупкой. Центральному правительству следует концентрировать власть в экономике. Оживлять экономику – это правильно, но слишком расплывшаяся власть хаотична, и её сложно оживить*». И далее даёт два указания, предвосхищающие борьбу 90-х годов.

Что касается монетарной власти, «*в обращении находится слишком много бумажных денег, эмиссия должна быть высоко концентрированной*». Что касается фискальной власти, «*чтобы переломить нынешнюю хаотичную экономическую ситуацию, мы должны сперва сделать ставку на налоговый бюджет, в особенности центральный*» (Chen Yun, “Selected Works”. Vol. 3: 1956–1994. Beijing: Foreign Languages Press, 1999). Гао вспоминает «*две крупные инфляционные волны 1988–1989 и 1993–1994 годов*» как моменты определения стратегии Чэнь Юня, предвещающие налоговую и монетарную реформы, доведённые до конца Цзян Цзэминем и Чжу Жунцзи. Коснёмся ключевых аспектов.

В 1995 году усиление независимости центрального банка относительно местных властей запустит реорганизацию 31 провинциального отделения в 9 региональных филиалов по модели американской ФРС, вырывая местные офисы из-под влияния провинций. Только тогда, по мнению Гельмута Шмидта, Народный банк Китая станет «*настоящим центральным банком, способным проводить единую национальную монетарную политику*» (см. предисловие к книге Чжу Жунцзи “Zhu Rongji on the Record”, 2013).

Налоговая реформа 1994 года

По поводу налогов Гао пишет, что со второй половины 80-х по первую половину 90-х отношение налоговых поступлений к национальному доходу и отношение поступлений в центр к общим поступлениям сократились, «*сильно ослабляя способность центрального правительства осуществлять макроэкономический контроль над национальной экономикой*» (Op. cit., 2015).

В 1995 году в тексте для МВФ Гао добавляет, что «*система распределения налогообложения*» между центром и провинциями, введённая в 1988 году, позволяла местным властям удерживать 90 % роста налоговых поступлений, подрывая «*прежний единый контроль государства над поступлениями и тратами*» (Gao Qiang, “Reforming China’s Public Finances”, 1995).

Только благодаря реформе 1994 года «*доля поступлений в центр увеличилась с 22 % в 1993 году до 56 % в 1994-м*» с благословения старика Чэнь Юня (Гао Цян. Op. cit., 2015).

Демократия и плюрализм

Эти глубокие центробежные силы отразятся в происшествиях на площади Тяньаньмэнь 4 июня 1989 года. Чжао Цзыян, теоретизирующий о «*парламентской демократии*» как

наилучшей политической системе для представительства толчков плюрализма, выйдет из сражения побеждённым. Дэн Сяопин и Чэнь Юнь, напротив, будут с помощью военного положения защищать “несовершенный плюрализм” партии-государства.

В мае 1990 года Чэнь Юнь сделает из этого кризиса вывод: *«Очень сложное политическое событие [...], более того, специфическая политическая борьба внутри нашей партии [...], к чему добавляется то, что некоторые газеты центрального правительства вели неправильную пропаганду»*. Он подчёркивает и другой аспект, часто остающийся на втором плане в политическом анализе кризиса июня 1989 года, – плюрализм китайских СМИ.

Июнь 2020 г.